

Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ *).
(Матеріалы для исторіи послѣдняго киргизскаго возстанія).
1869—1879 гг.

IV.

Дѣйствіе отрядовъ въ степи Уральской области.—Критическое положеніе отряда подполковника Штемпеля.—Уральская областная организаціонная коммиссія.—Бѣгство д. с. с. Юрковскаго.—Отступленіе отрядовъ на линію **).

Апрѣль мѣсяць прошелъ въ приготовленіи тѣхъ силъ, которыя предполагалось выдвинуть въ степь Уральской области для дѣйствія противъ мятежниковъ силою оружія и для возведенія укрѣпленнаго пункта при рѣкѣ Уилѣ.

Съ мая мѣсяца силы эти, послѣдовательно выдвигаемыя въ Уральскую степь, состояли: изъ 13½ сотенъ уральскихъ и оренбургскихъ козаковъ, одной роты оренбургскаго губернскаго батальона, мѣстной уральской команды и 4 орудій оренбургской козачьей конной артиллеріи, что составило цифру 2,700 вооруженныхъ людей.

Первый отрядъ выступилъ въ степь 6 мая на урочище Казыбекъ, гдѣ предполагалось возвести укрѣпленіе. Отрядъ этотъ, находясь подъ начальствомъ подполковника Штемпеля, состоялъ: изъ двухъ сотенъ уральскихъ козаковъ и роты губернскаго батальона, при двухъ орудіяхъ.

На Казыбекъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, должна была открыться весенняя ярмарка, но на этотъ разъ киргизы предпочли, еще до прихода туда отряда, часть ярмарочныхъ построекъ уничтожить и подѣлать изъ нихъ себѣ копыя, какъ объ этомъ было слышно въ то время.

Вслѣдъ за этимъ отрядомъ должна была выступить изъ Уральска организаціонная коммиссія г. Юрковскаго, подъ конвоемъ трехъ сотенъ, имѣвшихъ съ собою большой запасъ продовольствія (на три мѣсяца), но силь-

*) Русская Мысль, кн. VIII.

***) Событія съ степи Уральской области съ 1869 г., брошюра Юр—ко, и неизданная записка о безпорядкахъ въ степи въ 1869 и 1870 гг.

ныя бури задержали отрядъ на переправѣ черезъ Уралъ, такъ что онъ могъ выступить только 19 мая.

24 мая отрядъ остановился на дневку у рѣчки Куперле (Танасъ) Анкаты, въ разстояніи восьмидесяти слишкомъ верстъ отъ Уральска; здѣсь предсѣдатель комиссіи узналъ, что отрядъ Штемпеля подвергся нападенію скопища до 20,000 киргизъ при озерѣ Джаманъ - Сай *). Обстоятельство это показалось настолько грознымъ непривычному къ военному дѣлу д. с. с. Юрковскому, что онъ не рискнулъ двинуться далѣе, о чемъ и донесъ уральскому военному губернатору. Три предписанія, одно за другимъ, были посланы генераломъ Веревкинымъ предсѣдателю комиссіи (Юрковскому), чтобы, не теряя времени, идти на соединеніе съ барономъ Штемпелемъ, но *гражданскій* военачальникъ, не отличаясь воинственностью, не исполнилъ этого приказанія. Въ это время киргизы распустили слухъ, что отрядъ Штемпеля уничтоженъ. Этотъ слухъ окончательно смутилъ г. Юрковского и онъ рѣшительно потерялъ всякую охоту, воспользовавшись случаемъ, доказать свѣту, что и виць-мундиръ, поставленный въ качествѣ главнокомандующаго, можетъ покрыть себя неувядаемою славой военнаго героя.

Безусловно вѣря этому слуху и опасаясь, по всей вѣроятности, чтобы и его отрядъ не постигла горькая участь отряда Штемпеля, предсѣдатель комиссіи, признавая, что теперь заниматься организаціей киргизъ было бы совершенно немыслимо, предпринялъ отступленіе. Простоявъ совершенно бесполезно пять дней при Танасъ - Анкаты, 29 мая отрядъ началъ отступать, но не къ Уральску, который находился ближе къ мѣсту дѣйствія, а кружною линіей, но за то совершенно безопасно отъ киргизъ дорогой на Илецкій городокъ. 1 іюня отрядъ достигъ рѣчки Караганды, верстахъ въ шестидесяти отъ городка, отсюда г. Юрковскій, бросивъ отрядъ, уѣхалъ въ Илецкій городокъ, откуда прибылъ, совершенно больной, въ Оренбургъ, гдѣ, встрѣтивъ холодный пріемъ, какъ полагалъ онъ, за свою трусость передъ непріятелемъ и за неуспѣхъ въ возложенномъ на него порученіи относительно организаціи киргизъ, г. Юрковскій просилъ объ увольненіи отъ занимаемой имъ должности вице-губернатора Тургайской области.

Хотя осуждать человѣка, всю жизнь проведеннаго въ гражданской службѣ, за трусость, качество, бесспорно, постыдное въ военныхъ людяхъ, было бы очень страннымъ со стороны администраціи, но не слѣдуетъ забывать, что администраціи этой въ то время некогда было разбирать, кто трусилъ—*статскій* или военный? Она видѣла только однѣ неудачи и, раздражаясь, не могла видѣть вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ.

Послѣ бѣгства главноначальствующаго, отрядъ г. Юрковского, подъ командою подполковника Рукина, повернулъ было назадъ и пошелъ на соединеніе со Штемпелемъ, но уже было поздно, ибо Юрковскій бесполезно потратилъ двѣ недѣли времени, столь дорогаго въ военныхъ дѣлахъ.

*) Юр—ко: „Событія въ степи Уральской области“.

Отрядъ барона Штемпеля, дѣйствительно, въ теченіе семи дней подвергался нападенію киргизъ до 20 тысячъ человекъ *); это былъ самый горячій ихъ натискъ. «Никогда, быть можетъ,—говорить г. Юр—ко,—киргизы не собирались въ такую огромную толпу и, несмотря на громадное превосходство въ силахъ, успѣли лишь отбить, при первомъ натискѣ (когда обозъ, болѣе чѣмъ въ 300 телѣгъ, былъ растянутъ на нѣсколько верстъ), только 13 телѣгъ съ овсомъ и сухарями. Во все время атакъ въ отрядѣ убито 2 козака (одинъ изъ нихъ подводчикъ) и пять ранено (въ томъ числѣ два подводчика).

По прибытіи на Казыбекъ киргизы оставили отрядъ въ покоѣ; здѣсь оказалось, что отрядъ истощилъ все свое продовольствіе (онъ былъ снабженъ только путевымъ запасомъ). Баронъ Штемпель, составивъ объ этомъ обстоятельный актъ, началъ отступленіе къ ближайшему пункту линіи—къ Калмыкову, отстоящему отъ Казыбека въ 150 верстахъ, и прибылъ сюда 7 іюня.

Таковы результаты первыхъ военныхъ экспедицій въ предѣлахъ Уральской области.

У.

Торжество бунтовщиковъ по поводу отступленія русскихъ отрядовъ.—Трудность сообщеній нашихъ отрядовъ съ линіею.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ степи Уральской области.—Планъ и образъ дѣйствій генерала Веревкина противъ мятежниковъ.— Подавленіе мятежа въ Уральской степи **).

Къ началу іюня (гласить брошюра г. Юр—ко) киргизское возстаніе достигло своего апогея. Отступленія нашихъ отрядовъ къ линіи были празднуемы киргизами какъ громкія и рѣшительныя побѣды; надежды, воодушевленіе и дерзость бунтующихъ возросли до невѣроятныхъ размѣровъ. Къ мятежнымъ скопищамъ стали теперь примыкать киргизы тѣхъ родовъ, что до этого времени оставались покойными или еще колебались, не зная, которая изъ двухъ сторонъ выйдетъ побѣдительницей.

Положеніе ближайшихъ къ линіи родовъ, попавшихъ теперь между двухъ огней, стало въ высокой степени критическимъ: съ одной стороны, имъ угрожали грабежи и убійства за непринятіе участія въ бунтѣ, съ другой—имъ первымъ предстояло испытать на себѣ всю тяжесть ударовъ русскаго оружія, если бы они примкнули къ волновавшимся ордынамъ.

Положеніе нашихъ отрядовъ за это время было такъ стѣснено, что баронъ Штемпель, до выхода своего на линію, рѣшительно не имѣлъ никакой возможности переслать свои донесенія въ Уральскъ. По приходѣ на Казыбекъ подполковнику Штемпелю необходимо было сообщить въ Уральскъ

*) Юр—ко: „Событія въ степи Уральской области“.

**) Брошюра Юр—ко: „Событія въ степи Уральской области“ и дѣла окружнаго штаба.

объ истощеніи продовольствія и о своемъ намѣреніи отступить. Доставить это донесеніе вызвался хорунжій (уральскаго войска) И. С. Бородинъ; съ нимъ поѣхали, въ качествѣ проводниковъ, два преданныхъ киргиза изъ находившихся при отрядѣ. Не доѣзжая версты 20 до Калмыковской крѣпости, Бородинъ увидѣлъ колесный обозъ, который принялъ за принадлежащій русскимъ купцамъ. Обозъ этотъ дѣйствительно не задолго передъ тѣмъ былъ купеческій, теперь же владѣлъ имъ Аѣмандыгъ, сынъ самозваннаго киргизскаго хана Сеяля, который, пользуясь ошибкой Бородина, выдалъ себя сначала за прикащика при обозѣ, но вскорѣ, по его приказанію, хорунжій былъ схваченъ и изрубленъ въ куски. Та же участь постигла одного изъ проводниковъ Бородина, другой же успѣлъ, какими-то судьбами, скрыться и тѣмъ избѣжалъ участи своихъ спутниковъ.

Выходъ изъ критическаго положенія, въ которомъ находилась русская власть въ Уральской степи, заключался, по мнѣнію генерала Веревкина, въ томъ, что для подавленія почти поголовнаго возстанія, получившаго болѣе или менѣе твердую организацію съ ханами и другими начальствующими лицами, необходимо употреблять не мелкіе отряды, дѣйствующіе на разныхъ отдаленныхъ пунктахъ, безъ всякой между собой связи и, по слабости своей, вынужденныхъ держаться оборонительной системы дѣйствій, но сосредоточеніе въ важнѣйшемъ мѣстѣ степи силъ достаточныхъ не только для отраженія, но и для совершеннаго разсѣянія всякаго киргизскаго скопища. Важнѣйшею мѣстностью въ Уральской области, въ стратегическомъ отношеніи, нужно было признать бассейнъ Уила, какъ по его центральности, такъ и по изобилію въ окрестностяхъ его, въ особенности при среднемъ и нижнемъ теченіи, корма и воды; сюда дѣйствительно группировались всѣ бунтующія массы киргизъ. Если бы бунтовщикамъ было нанесено здѣсь пораженіе, то отступать имъ на сѣверъ и западъ, къ Оренбургской и Уральской линіямъ, было невыгодно и даже невозможно, потому что съ каждымъ шагомъ впередъ они приближались къ козачьимъ селеніямъ и форпостамъ; при отступленіи же на востокъ они неизбежно встрѣчались бы съ отрядами, расположенными въ Тургайской области; оставалось отступленіе къ югу, гдѣ, переправившись за Эмбу, они были почти внѣ опасности, но здѣсь сама природа заграждала путь,—скудная растительностью и водою эта мѣстность не дозволила бы двигаться большими массами. На основаніи этихъ соображеній, генералъ Верекинъ составилъ слѣдующій планъ дѣйствій: стянуть къ Калмыкову возможно больше силъ и двинуть ихъ, подъ своимъ начальствомъ, къ Уилу. Тотчасъ же стрѣльцовая рота и полторы сотни двинуты на подводахъ изъ Уральска въ Калмыковъ. Подполковнику Ругину предписано направить движеніе на Калмыковъ и остановиться въ такомъ отъ него разстояніи, чтобы отрядъ его можно было легко поддержать изъ Калмыкова. Сверхъ этого было предписано двумъ начальникамъ отрядовъ, высланныхъ изъ Оренбурга въ Уральскую степь, артиллеріи подполковнику Веревину, съ отрядомъ изъ двухъ оренбургскихъ сотенъ при двухъ орудіяхъ, и полковнику графу Комаров-

скому, съ отрядомъ изъ двухъ сотенъ и стрѣлковой роты, посаженной верхомъ на лошадей, исполнить слѣдующее: первому—съ Кйла перейти на Уилъ и двигаться внизъ по немъ до Казыбека; второму—изъ Эмбенскаго поста (куда онъ прибылъ не задолго передъ тѣмъ) идти къ верховьямъ Чйли, Аще-Уила, отсюда внизъ по Уилу. Такимъ образомъ, все отряды направлялись къ среднему теченію Уила.

Въ Калмыковѣ стояла съ первыхъ чиселъ іюня уральская мѣстная команда, предназначенная для работъ по возведенію новаго укрѣпленія на Уилѣ; она была обременена громаднымъ обозомъ, въ которомъ было мѣстное довольствіе команды, двухмѣсячный запасъ продовольствія для отряда Штемпеля и инженерныя тяжести для предполагаемаго укрѣпленія.

По прїѣздѣ въ Калмыковъ военный губернаторъ приказалъ отряду Штемпеля, стрѣлковой ротѣ, полутора уральскимъ сотнямъ и мѣстной командѣ выступить въ походъ 21 іюня изъ Калмыкова; 25 числа эти войска соединились съ отрядомъ Рукина. Движеніе это и послѣдовавшія затѣмъ дѣйствія генерала Веревкина рѣшили участь киргизскаго возстанія.

Рукинъ сталъ, 17 іюня, въ трехъ большихъ переходахъ, въ мѣстности, обильной кормами и водою. Узнавъ объ его остановкѣ, киргизы двинулись было съ Уила противъ него, въ огромной массѣ, но, провѣдавъ о наступленіи генерала Веревкина, не рѣшились сдѣлать нападеніе и отшатнулись опять къ среднему теченію Уила.

Соединенныя силы названныхъ отрядовъ (шесть съ половиною сотенъ, стрѣлковая рота, рота губернскаго батальона и мѣстная команда, при двухъ орудіяхъ и съ огромнымъ обозомъ, всего не свыше 1,500 вооруженныхъ людей), двигались до 27 іюня. Въ этотъ день генераль Веревкинъ получилъ извѣстіе, что киргизскія скопища, намѣревавшіяся напасть на Рукина, обратились теперь противъ слабаго отряда подполковника Веревкина, что отрядъ этотъ, въ этотъ день, находится на Казыбекѣ, въ разстояніи 50 верстъ отъ бивуака соединенныхъ отрядовъ. Приказавъ подполковнику Веревкину держаться на Казыбекѣ, военный губернаторъ взялъ три сотни Рукина и стрѣлковую роту при двухъ орудіяхъ и, оставивъ прочія войска и обозъ подъ начальствомъ барона Штемпеля, форсированнымъ маршемъ двинулся къ Казыбеку, куда и прибылъ 28 іюня къ вечеру. Отрядъ своего однофамильца генераль Веревкинъ засталъ уже совершенно спокойнымъ. Киргизскія скопища, не переставшія тревожить его въ теченіе нѣсколькихъ дней, узнавъ о движеніи военнаго губернатора, за день до соединенія отрядовъ, совершенно разсѣялись.

Киргизы, потерявъ надежду разбить и уничтожить наши прежде разрозненные и слабые отряды, видя также, что сила русскихъ растетъ, начали оставлять шайки и разбѣгаться въ разныя стороны. Чтобы окончательно повліять на дрогнувшій духъ бунтовщиковъ, военный губернаторъ приказалъ подполковнику Веревкину двинуться вверхъ по р. Уилу и Кйлу, но онъ бунтовщиковъ нигдѣ не встрѣтилъ и вышелъ затѣмъ на Оренбургскую линію, гдѣ ему необходимо было запастись продовольствіемъ для

отряда. Подполковнику Рукину приказано было двинуться внизъ по Уилу и настигнуть бѣгущихъ мятежниковъ. Рукинъ съ тремя сотнями, пройдя на рысяхъ 30 верстъ, нагналъ въ песчаныхъ барханахъ шайку, быстро атаковалъ ее и мгновенно разсѣялъ. Преслѣдуя бѣгущихъ, онъ наткнулся на аулъ, откуда былъ встрѣченъ выстрѣлами; стрѣлявшихъ постигла кара: скотъ ихъ, кромѣ барановъ, отобранъ.

Соединенные отряды, съ Рукинымъ включительно, прибыли на урочище Баркинъ, на Уилѣ, 4 іюля. Это мѣсто, будучи почти въ центрѣ степи, лежащей на сѣверъ отъ Эмбы, имѣющее вблизи прѣсную воду, камышъ и кормъ для скота, избрано военнымъ губернаторомъ подѣ укрѣпленіе; 6 іюля укрѣпленіе торжественно заложено. Къ концу октября укрѣпленіе было кончено; дома и казармы въ немъ приведены къ такому виду, что въ нихъ возможно будетъ перезимовать гарнизону; съ наступленіемъ весны *), зданія и другія необходимыя постройки будутъ приведены къ окончательной годности. Работами, подѣ наблюденіемъ строителя инженеръ-капитана Маресева, занимался оставленный здѣсь гарнизонъ: двѣ уральскія сотни, рота губернскаго батальона и мѣстная команда; здѣсь находится 4 орудія. Многіе киргизы весьма усердно трудились надѣ этимъ строящимся для ихъ собственной пользы укрѣпленіемъ (что, вѣроятно, они сами вполне сознавали)!

Начиная съ 3 іюля (1869 г.) къ генералъ-майору Веревкину стали являться киргизы разныхъ бунтовавшихъ родовъ съ изъявленіемъ полной покорности и съ желаніемъ принять новое положеніе. Къ 7 іюля такія заявленія были получены болѣе чѣмъ отъ 8 т. кибитокъ и вообще сдѣлалось очевиднымъ, что вооруженное возстаніе въ этой части степи подавлено окончательно, но еще остались отдѣльныя шайки, противъ которыхъ были двинуты отряды.

Такое быстрое усмиреніе бунтующихъ киргизъ, главнымъ образомъ, надобно отнести къ концентрическому направленію нашихъ отрядовъ съ разныхъ сторонъ къ среднему теченію р. Уила—къ важнѣйшему въ степи пункту по расположенію киргизскихъ кочевокъ и по сбору на немъ киргизскихъ скопищъ, а именно: отряда генералъ-майора Веревкина изъ Калмыкова, отряда подполковника Веревкина изъ станицы Буранной и отряда полковника графа Комаровскаго отъ Эмбенскаго поста **).

Отрядъ подполковника Рукина (3 сотни) 16 іюля былъ двинуть съ урочища Баркинъ сначала къ устью р. Аще-Уила, а потомъ между рѣкъ Уиломъ и Сагизомъ, чрезъ пески Тайсуцганъ къ линіи для дѣйствій противъ китинцевъ, изъ которыхъ часть еще не изъявляла тогда покорности, а также для очищенія той мѣстности, удобной для укрывательства шаекъ.

Но съ первыхъ же переходовъ отрядъ былъ встрѣченъ китинцами са-

*) 1870 года.]

**) Мѣсяцъ г. Юр—ко (брошюра: *Событія въ степи Уральск. обл.*).

мымъ дружелюбнымъ образомъ. Одна сотня изъ этого отряда возвращена въ августѣ во вновь строящееся Уильское укрѣпленіе и оставлена тамъ для усиленія на зиму гарнизона.

Въ августѣ отправлены съ урочища Баркинъ на линію 2½ сотни козаковъ и одна рота стрѣлковъ; изъ нихъ одна сотня распущена по домамъ, а въ Уильскомъ укрѣпленіи оставлены двѣ сотни козаковъ, уральская мѣстная команда, команда оренбургскаго губернскаго батальона (157 чел.) и 14 артиллеристовъ при 2 орудіяхъ. Сюда же 20 октября прибылъ, для усиленія гарнизона, на зиму, взводъ 8-й донской конной батареи.

3 октября выслана была изъ Уильскаго укрѣпленія одна сотня козаковъ на р. Сагизъ, въ погоню за хищниками, угнавшими 21 лошадь, принадлежащихъ ѣздовымъ артиллерійскаго взвода. Сотня эта успѣла только нагнать и забрать довольно значительное количество скота, награбленнаго хищниками.

Отрядъ подполковника Веревкина, по возвращеніи съ урочища Киненъ на линію и по возобновленіи запасовъ продовольствія, выступилъ 20 іюля изъ Илецкой-Защиты къ верховьямъ р. Бабатая для дѣйствій противъ собравшагося тамъ скопища китинцевъ. Во время этого движенія отрядъ разсѣялъ скопище китинцевъ близъ р. Ку-Аиль 24 іюля и забралъ значительное количество скота. На обратномъ пути съ р. Бабатая отрядъ не встрѣтилъ уже никакой шайки и 4 августа возвратился на линію. Обѣ сотни этого отряда, по сопровожденіи транспорта въ Уильское укрѣпленіе и по возвращеніи на линію, отправлены 26 октября по назначенію на службу въ Туррестанскій военный округъ.

Отрядъ полковника графа Комаровскаго, по возвращеніи съ урочища Баркинъ къ Эмбенскому посту 25 іюля, былъ на поискъ на р. Аты-Джаксы противъ ауловъ бѣудинцевъ, алачинцевъ и сейковцевъ, отдѣлившихся, *Беркиевъ* *Сарымовъ* подъ предводительствомъ такъ называемаго эмира Бергена Сарымова, отъ ауловъ своихъ родовъ, изъявившихъ покорность, причѣмъ разорено до 1,000 кибитокъ и отражены всѣ нападенія мятежниковъ. 24 августа отрядъ этотъ вмѣстѣ съ отрядомъ подполковника Новокрещенова забралъ на р. Агъ-Джарлы-Букумбаѣ аулъ изъ 30 кибитокъ, занимавшійся грабежами и принадлежащій байбактинцамъ, такинцамъ и чумичли-табынцамъ разныхъ отдѣленій. Затѣмъ 8 сентября былъ посланъ на Усть-Уртъ летучій отрядъ въ 300 человекъ изъ отрядовъ полковника графа Комаровскаго и подполковника Новокрещенова, съ 1 ракетнымъ станкомъ подъ командою майора Пріорова, въ погоню за хищниками, угнавшими лошадей, принадлежащихъ уральской сотнѣ, находящейся въ гарнизонѣ Эмбенскаго поста. 9 сентября, близъ родника АIZE-Булака, отрядъ забралъ скотъ въ китинскихъ аулахъ, въ которыхъ нашлось свѣжее лошадиное мясо и только что снятыя лошадиныя шкуры, на которыхъ мѣста тавровъ были уничтожены. У ачибековцевъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ китинцами, взято было два киргиза аманатами, съ тѣмъ, чтобы они кочевали за отрядомъ къ Эмбѣ, такъ какъ они увѣряли, что до сихъ поръ не шли къ Эмбѣ только

изъ страха къ сыновьямъ Дауда, сидѣвшимъ на Усть-Уртѣ у Архаръ-Тулбни. 14 октября обѣ сотни изъ отряда полковника графа Комаровскаго съ 1 ракетнымъ станкомъ были двинуты отъ Эмбенскаго поста къ урочищу Ходжи-Куль, въ Большихъ-Барсукахъ, для открытія развѣздовъ между Эмбенскимъ постомъ и Уральскимъ укрѣпленіемъ. Съ урочища Ходжи-Куль оренбургская сотня направлена въ уральское укрѣпленіе, откуда 21 ноября отправлена на линію и распушена по домамъ; а уральская сотня съ 1 ракетнымъ станкомъ возвращена въ Эмбенскій постъ и оставлена здѣсь для усиленія на зиму гарнизона. Открытые развѣзды между Эмбенскимъ постомъ и Уральскимъ укрѣпленіемъ были прекращены за недостаткомъ подножныхъ кормовъ, наступающей ненастной погоды и по случаю очищенія Барсуковъ отъ шаекъ отрядомъ начальника Иргизскаго уѣзда. Рота 3 стрѣлковаго батальона, бывшая въ отрядѣ полковника Комаровскаго, въ октябрѣ возвращена въ Оренбургъ. Для усиленія гарнизона Эмбенскаго поста на зиму, кромѣ упомянутой сотни, посланы въ октябрѣ: рота 18-го стрѣлковаго батальона и одинъ взводъ донской батареи.

Кромѣ вышеисчисленныхъ отрядовъ, въ степь Уральской области, въ уѣзды: Уральскій, Калмыковскій и Гурьевскій были посланы конвойные отряды съ организационными комиссіями подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ начальниковъ для окончательныхъ организацій уѣздовъ и для повѣрки порядка управленій въ организованныхъ уже волостяхъ. Смѣемъ думать, что еслибъ эти отряды, въ виду отсутствія подготовительныхъ мѣръ, были приданы организационнымъ комиссіямъ въ началѣ ихъ дѣятельности, то, быть можетъ, присутствіе войскъ въ степи удержало бы ордынцевъ отъ мятежа и положеніе было бы введено, хотя и не вполне мирнымъ путемъ, но съ меньшими жертвами.

Независимо отъ всѣхъ поименованныхъ передвиженій, въ ноябрѣ была произведена рекогносцировка устьевъ р. Эмбы съ цѣлью избранія тамъ пункта подъ укрѣпленіе. Рекогносцировочный отрядъ состоялъ изъ 107 пѣшихъ розаковъ и 50 стрѣлковъ, подъ начальствомъ начальника Гурьевскаго уѣзда, капитана 1-го ранга Тверитинова. Изъ всѣхъ осматрѣнныхъ мѣстъ на устьяхъ Эмбы, Тверитиновъ нашель, что мѣстность на урочищѣ Бійбекъ-Тубекъ—единственная пригодная для укрѣпленія, но что вообще характеръ почвы на устьяхъ Эмбы—однообразенъ и имѣеть общее свойство равнинной страны, покрытой новѣйшими наносами. Но чтобы не рисковать здоровьемъ гарнизона въ низменныхъ устьяхъ рѣки, окончательный выборъ мѣста подъ укрѣпленіе былъ отложенъ до 1870 года, съ тѣмъ, чтобы высланный туда на лѣто отрядъ былъ бы въ состояніи ближе и лучше ознакомиться съ мѣстными условіями страны *).

*) Дѣла окружнаго штаба и неизданная записка о безпорядкахъ въ степи въ 1869 и 1870 годахъ.

VI.

Событія въ степи Тургайской области.—Дѣятельность областной организаціонной комиссіи.—Погоня за Исетомъ Кутебаровымъ.—Козель отиушенія *).

Въ Тургайской области волненіе хотя и не достигло такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ области Уральской, но, тѣмъ не менѣе, и тамъ пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, и если не для подавленія поголовнаго мятежа, то для разсѣянія и наказанія отдѣльныхъ шаекъ и скопищъ бунтовщиковъ, появившихся въ разныхъ мѣстностяхъ Тургайской степи, и для возведенія Акъ-Тюбинскаго укрѣпленія, получившаго свое названіе отъ урочища, на которомъ оно было построено.

Съ этою цѣлью въ степь тургайскаго вѣдомства были командированы въ мартѣ и маѣ слѣдующіе отряды: двѣ сотни оренбургскихъ козаковъ и рота стрѣлковъ въ Уральское укрѣпленіе (что нынѣ г. Иргизскъ) для временнаго усиленія гарнизона и для защиты орско-казалинскаго тракта отъ хищническихъ шаекъ. Впослѣдствіи одна изъ этихъ сотенъ и 18 стрѣлковъ (во второй половинѣ августа) были посланы въ пески Большіе - Барсуки въ погоню за хищниками, угнавшими у жителей Иргизска (Уральскаго укрѣпленія) до 300 лошадей. Сдѣлавши болѣе 300 верстъ, отрядъ этотъ успѣлъ захватить въ Барсукахъ только нѣсколько подозрительныхъ лицъ и скотъ изъ ауловъ, въ которыхъ нашлись двѣ лошади изъ похищеннаго табуна. Потомъ обѣ сотни съ ротою стрѣлковъ, 3-хъ фунтовымъ единорогомъ и 3-мя ракетными станками, подъ командою начальника Иргизскаго уѣзда, были двинуты 21 сентября на Большіе - Барсуки для разсѣянія появившихся и скрывавшихся тамъ хищническихъ шаекъ.

Однако же, отряду этому и теперь не удалось настигнуть ни одной изъ крупныхъ партій мятежниковъ, которыя, получивъ свѣдѣнія о движеніи отряда, успѣли бѣжать, частью къ сѣверу, спѣша соединиться съ мирными киргизами, чтобы избѣжать наказанія за неповиновеніе, а частью бросились на Усть-Уртъ и далѣе въ хивинскія владѣнія. Такъ что весь успѣхъ экспедиціи заключился тѣмъ, что высланному отряду удалось отрѣзать и захватить нѣсколько ауловъ непокорныхъ киргизъ, удалившихся на Усть-Уртъ.

По возвращеніи этого отряда (въ октябрѣ) въ Уральское укрѣпленіе, двѣ сотни козаковъ были отправлены въ Туркестанъ, а рота стрѣлковъ оставлена въ укрѣпленіи для усиленія на зиму гарнизона.

Другой отрядъ, состоявшій изъ одной сотни оренбургскихъ козаковъ, двинутый изъ г. Орска (29 апрѣля) въ Уральское укрѣпленіе, былъ размѣщенъ съ 29 мая по 1 октября по станціямъ орско-казалинскаго тракта для охраненія его отъ мелкихъ шаекъ грабителей и для наблюденія за сомнительнымъ поведеніемъ туземныхъ почто-содержателей. Затѣмъ и эта

*) Дѣла окружнаго штаба, неизданная записка о безпорядкахъ въ степи въ 1869 и 1870 гг. и дѣла канцеляріи генераль-губернатора.

сотня на зиму, для усиленія гарнизона, была передвинута въ г. Иргизскъ, куда для той же цѣли былъ присланъ взводъ 8-й конной донской батареи.

Въ фортъ Карабутакскій для усиленія гарнизона также была выдвинута одна сотня оренбургскихъ козаковъ, составившаяся изъ мѣстныхъ конныхъ командъ, находившихся въ распоряженіи степныхъ укрѣпленій, которая, простоявъ въ фортѣ съ 22 мая до половины сентября, снова была разведена по укрѣпленіямъ.

Изъ г. Илецка (бывшая Илецкая-Защита) также раннею весной были двинуты отряды въ Тургайскую степь. Такъ, 5 мая выступилъ изъ Илецкой-Защиты значительный отрядъ (состоявшій изъ 2-хъ ротъ оренбургскаго козачьяго № 4 батальона, команды въ 169 человекъ губернскаго батальона, одной сотни оренбургскихъ козаковъ и 14 артиллеристовъ), подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Борха; отряду этому была поручена постройка Акъ-Тюбинскаго укрѣпленія. Начальникъ отряда Ю. А. Борхъ не только съ успѣхомъ исполнилъ это порученіе, но успѣлъ оказать и другія немаловажныя услуги главному начальству, которыхъ мы коснемся ниже при оцѣннѣ дѣятельности отрядныхъ начальниковъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ степи.

Въ октябрѣ двѣ роты этого отряда вызваны на линію и распущены по домамъ; прочія же войска вошли въ составъ гарнизона вновь возведеннаго Акъ-Тюбинскаго укрѣпленія.

Другой отрядъ подполковника Круторожина, состоявшій изъ 2-хъ сотенъ оренбургскихъ козаковъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, и выступившій также изъ Илецка (6 мая), былъ посланъ для очищенія отъ бродившихъ шаекъ пространства между рр. Илекомъ и Большою-Хобдой. Но, не встрѣтивъ ни одной партіи мятежниковъ, отрядъ захватилъ только семейство и имущество бывшаго султана хана Галія Арасланова, сопричтеннаго мѣстною администраціей еще въ началѣ возстанія къ сонмищу бунтовщиковъ и тѣмъ, дѣйствительно, подвинувшаго Арасланова принять участіе въ мятежѣ противъ того правительства, за вѣрность которому погибъ его отецъ *).

29 мая отрядъ этотъ соединился съ войсками графа Борха, а съ 12 іюня большая часть этого отряда, подъ начальствомъ того же Круторожина, при 2-хъ орудіяхъ, сопровождала организаціонную комиссію, бывшую подъ предѣлательствомъ генералъ-маіора Баллюзeka, на вершину рѣки Ори, гдѣ на съѣздѣ чиклинскихъ бѣевъ было принято новое положеніе всѣми чиклинцами и дюрткаринцами; здѣсь комиссіею образовано 5 волостей изъ 11,000 кибитокъ.

При направленіи дѣйствій областной организаціонной комиссіи на вер-

*) В. Н. Плотниковъ (бывш. начальн. Илецк. уѣзда) имѣетъ въ своихъ рукахъ переписку хана Галія, которая можетъ пролить свѣтъ на вынужденное участіе Арасланова въ мятежѣ. Намъ остается только пожелать, чтобы письма эти скорѣе явились въ печати.

шины р. Хобды къ кочующимъ здѣсь двумъ названнымъ родамъ чиглинцевъ и дюртгаринцевъ, всѣ усилія председателя комиссіи были направлены къ тому, чтобы склонить на свою сторону Исета Кутебарова, извѣстнаго по бунту, поднятому имъ въ пятидесятыхъ годахъ, такъ какъ благоприятный или отрицательный исходъ дѣла комиссіи зависѣлъ, по мнѣнію тургайскаго военнаго губернатора, вполнѣ отъ вліянія Исета и того положенія, въ которое онъ станетъ по отношенію къ русской власти.

Хотя такое значеніе Кутебарова было явно преувеличено и, по нашему разумѣнію, погоня за нимъ была не только излишнею, но даже вредною, придавъ, въ глазахъ ордынцевъ, значительную долю авторитетности личности «Исетки», какъ зовутъ Кутебарова ордынцы, видѣвшіе въ немъ до сихъ поръ просто ловкаго барантовщика и лихаго багатыря, но, тѣмъ не менѣе, желаніе военнаго губернатора пріобрѣсти расположеніе Исета вызвало серьезное соревнованіе между новымъ иргизскимъ уѣзднымъ начальникомъ и чиновникомъ Батыршинымъ, долго служившимъ въ степи и желавшимъ также подслужиться начальству.

Каждому изъ упомянутыхъ нами лицъ, чтобы доказать свою полезность и значеніе въ степи, хотѣлось привести Исета къ военному губернатору, начальнику уѣзда хотѣлось на первыхъ порахъ блеснуть своею умѣlostью обращаться съ киргизами привлеченіемъ на свою сторону вліятельнѣйшаго изъ нихъ, а Батыршину въ свою очередь желательно было склоненіемъ Кутебарова явиться къ генералу Баллюзеку, гарантировать себѣ возможность полученія мѣста въ новомъ управленіи, выказавши всю неспособность новаго уѣзднаго начальника, и снискать къ себѣ довѣріе того народа, которымъ онъ призванъ управлять. Начались обоюдныя интриги, какъ говорить преданіе, и военный губернаторъ нѣсколько разъ принужденъ былъ разочароваться увидѣть Исета въ назначаемый для этого день. Наконецъ, какъ рассказываютъ очевидцы (на отвѣтственности которыхъ лежитъ правдоподобность этого разсказа), уѣздному начальнику удалось одолѣть своего противника; если вѣрить разсказамъ, случилось это такимъ образомъ. Къ военному губернатору явился Курманъ-мулла, одинъ изъ друзей Батыршина, успѣвшій обнести своего друга въ политической неблагонадежности; свидѣтельство друга показалось полновѣснымъ, Батыршину произведенъ допросъ и онъ былъ высланъ изъ степи, но участь его, какъ политическаго преступника, рѣшена была послѣ.

Вскорѣ по удаленіи Батыршина начальникъ уѣзда представилъ военному губернатору давно ожидаемаго Исета Кутебарова, котораго генералъ Баллюзекъ принялъ очень милостиво и возвелъ въ санъ младшаго помощника иргизскаго уѣзднаго начальника. Впослѣдствіи за свою благонадежность Кутебаровъ получилъ перстень съ начальнической руки и золотую печать; насколько же въ дѣйствительности Исетъ былъ политически благонамѣренъ, мы указываемъ ниже въ главѣ объ участіи Хивы въ послѣднихъ беспорядкахъ.

Покончивъ съ чиглинцами и дюртгаринцами, организаціонная комис-

сія возвратилась въ Агъ-Тюбе, откуда 23 іюля выступила подъ прикрытіемъ одной сотни оренбургскихъ козаковъ на р. Большую-Хобду для окончательной организаціи Илецкаго уѣзда. По окончаніи дѣйствій комиссіи конвойная сотня была оставлена на р. Хобдѣ до октября для обезпеченія Тургайской области отъ набѣговъ китинцевъ и для наблюденія за перекочевкою изъ Тургайской области въ Уральскую назаровцевъ и чуренцевъ.

Въ октябрѣ обѣ сотни и артиллерійскій взводъ безъ орудій (изъ отряда подполковника Круторожина) возвращены на линію, гдѣ сотни были распущены по домамъ и орудія остались въ Агъ-Тюбе съ прибывшими туда пѣшими артиллеристами.

Возвращаясь къ дальнѣйшей судьбѣ чиновника Батыршина, по удаленіи его изъ степи какъ неблагонадежнаго человѣка въ политическомъ отношеніи, мы позволяемъ себѣ представить читателю краткую характеристику этого политическаго преступника.

Сулейманъ Аллюковичъ Батыршинъ долгое время служилъ въ качествѣ переводчика при областномъ правленіи вѣдомства оренбургскихъ киргизъ, затѣмъ онъ былъ командированъ въ степь, гдѣ исполнялъ обязанности одного изъ султановъ-правителей, затѣмъ былъ совѣтникомъ и теперь находился при военномъ губернаторѣ. Человѣкъ онъ былъ робкій, недалекъ ума, добраго сердца и, какъ всѣ ему подобные, былъ по-своему усерднымъ и, пожалуй, какъ утверждаютъ его враги, не совсѣмъ невиннымъ въ безгрѣшныхъ доходахъ чиновникомъ, но за то блисталъ отсутствіемъ не только политическихъ, но и всякихъ другихъ тенденцій и убѣжденій. Такъ что ему и во снѣ не снилось быть когда-либо политическимъ агитаторомъ, роль котораго приписана была ему впоследствии. Словомъ, Батыршинъ былъ обрусѣлый татаринъ-чиновникъ, личность очень обыденная, даже плоская, какихъ можно много встрѣтить въ русскихъ присутственныхъ мѣстахъ, и въ политическомъ смыслѣ совершенная ничтожность. Рассказываютъ, что одно изъ главныхъ обвиненій, взводимыхъ на Батыршина, было якобы его желаніе сдѣлаться киргизскимъ муфтіемъ. Но нашему мнѣнію, уже одно это обстоятельство показываетъ всю недалекость, всю недалекость и узость его политическихъ взглядовъ, которые едва ли и были ему присущи. Скорѣе же всего Батыршинъ, если и желалъ быть муфтіемъ, то чисто помимо всякихъ политическихъ цѣлей, — санъ этотъ соблазнялъ его своею доходностью и почетнымъ положеніемъ. Наконецъ, Батыршинъ, какъ татаринъ, не могъ имѣть вліянія на киргизъ, которые вообще не любятъ татаръ; самое обстоятельство выдачи его головой мѣстному начальству доказываетъ всю несостоятельность вліянія его на орду и совершенную безопасность для русскаго правительства.

Между тѣмъ, генераль-адъютантъ Крыжановскій рѣшилъ примѣнить къ Батыршину тягчайшее наказаніе.

Оренбургскій генераль-губернаторъ, убѣжденный въ необходимости уда-

лять изъ степи *административнымъ* порядкомъ лицъ, завиняющихся въ составленіи шаекъ, подстрекательствѣ киргизъ къ неповиновенію и т. п. вредныхъ поступкахъ, хотя бы противъ такихъ лицъ и *не имълось очевидныхъ юридическихъ уликъ въ ихъ виновности*, испрашивалъ высочайшаго соизволенія на таковое удаленіе сихъ лицъ въ отдаленныя мѣста степи, такъ какъ удаленіе виновныхъ и *подозрѣваемыхъ* въ упомянутыхъ преступленіяхъ въ губерніи Оренбургскаго края не послужило бы, по мнѣнію начальника края, къ совершенному разбединенію высланнаго лица съ ордою.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтъ на это представленіе, увѣдомлялъ (отъ 22 ноября 1869 г.) генераль-адъютанта Крыжановскаго, что Государь Императоръ соизволилъ на примѣненіе этой мѣры, но съ тѣмъ, говорилось далѣе, *чтобы мѣру эту считать временною и чтобы лица, завиняемая и подозрѣваемая мѣстнымъ начальствомъ въ подобныхъ важныхъ преступныхъ намѣреніяхъ*, высылались на житье въ сѣверныя губерніи Россіи, *кроме сибирскихъ*, подъ надзоръ мѣстныхъ полицій, безъ назначенія, однакожъ, времени пребыванія ихъ тамъ и съ предоставленіемъ ходатайства о возвращеніи ихъ на родину, по ближайшему усмотрѣнію генераль-губернатора.

Вотъ эту-то тяжкую мѣру наказанія и примѣнили къ Батыршину, сославъ его изъ Уфимской губерніи, — куда онъ былъ высланъ на первыхъ порахъ, — въ губернію Архангельскую, гдѣ онъ и живетъ до сихъ поръ *).

Погоня за Исетомъ Кутебаровымъ, кончившаяся такъ плачевно для Батыршина, покрыла лаврами главу его противника, о дѣятельности котораго было въ свое время заявлено въ слѣдующихъ сильныхъ выраженіяхъ:

«Въ ряду мѣръ вразумленія киргизъ мирнымъ путемъ (гласить отчетъ), принятыхъ главнымъ начальникомъ края и увѣнчавшихся самыми благоприятными послѣдствіями, находится посылка начальника Иргизскаго уѣзда, Тургайской области, къ киргизамъ чилинскаго рода» и т. д.

Послѣдствіемъ поѣздки уѣзднаго начальника, по мнѣнію отчета, было принятіе вліятельнымъ и богатымъ родомъ чилинцевъ новаго положенія, которому впоследствии покорился и глава этого рода, батырь Исеть Кутебаровъ, принявшій званіе помощника уѣзднаго начальника.

И такъ, соперникъ Батыршина былъ вознесенъ за свою дѣятельность «властями предержажими», хотя и не удержалъ за собою впоследствии своего поста, на долю же Батыршина выпала незавидная роль — «козла отпущенія».

Если послѣднее предположеніе несправедливо, то отчего бы оренбургскому начальству не предать было Батыршина гласному суду?

*) Есть достовѣрные слухи, что г. Батыршинъ получилъ разрѣшеніе жить во всѣхъ губерніяхъ Россійской имперіи, *кроме соприкасающихся со степью*. Вслѣдствіи г. Батыршинъ получилъ полное прощеніе и право службъ.

VII.

Участіе Хивы въ послѣднихъ безпорядкахъ и причины ея вліянія на заэмбенскихъ ордынцевъ *).

Старая недоброжелательница Россіи—Хива и на этотъ разъ не осталась равнодушною къ политическому движенію, обнаружившемуся въ ордѣ. Едва достигли ея слуха вѣсти о волненіи степи, какъ ханство это принялось дѣйствовать враждебно нашимъ интересамъ. По обыкновенію, хивинское правительство старалось привлечь киргизъ на свою сторону, подстрекая ихъ къ неповиновенію русской власти и къ грабежамъ противъ ордынцевъ, согласившихся на принятіе новаго положенія. Если многіе адаевцы дѣятельно не приняли сторону бунтующихъ киргизъ, то это произошло оттого, что они узнали, что существенныя черты стараго положенія въ отношеніи къ нимъ останутся, по крайней мѣрѣ, до поры до времени неизмѣнными; обстоятельство это послужило къ тому, что, несмотря на происки Хивы, адаевцы отнеслись холодно къ всѣмъ хивинскимъ проискамъ. Наибольшее сочувствіе нашли себѣ хивинскія подстрекательства въ киргизахъ, кочующихъ между Эмбою и Усть-Уртомъ; то же можно сказать и о части киргизъ Тургайской области, которые кочуютъ на сѣверъ отъ Аральскаго моря, по направленію къ Мугоджарскимъ горамъ и къ г. Иргизску (Уральское укрѣпленіе).

Въ началѣ 1869 года двое изъ управляющихъ отдѣленіями адаевского рода были съ своими одноотдѣленцами въ Хивѣ по торговымъ дѣламъ, а также для расчетовъ по барантамъ **) съ туркменами. Съ прибывшихъ адаевцевъ ханъ приказалъ взять въ зякетъ по 1 рублю съ верблюда, по 50 коп. съ лошади и по 25 коп. съ барана; на такой необычный и тяжелый поборъ адаевцы жаловались хану, который поручилъ сдѣлать разборъ и дать отвѣтъ своему диванъ-беги (чиновникъ, завѣдующій сборомъ зякета и монетнымъ дворомъ) ***). Въ отвѣтъ на эту жалобу диванъ-беги объявилъ просителямъ, что адаевцы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, должны вносить ежегодно подати въ ханскую казну по 600 тиллъ или по 1,000 барановъ; для устройства же правильныхъ отношеній адаевцевъ къ Хивѣ, по словамъ диванъ-беги, долженъ былъ явиться на поклонъ къ хану и для засвидѣтельствованія своей преданности «бій всѣхъ адаевцевъ Бай-Мухаметъ Маяевъ», съ которымъ только ханъ намѣренъ говорить, такъ какъ прочимъ адаевцамъ хивинскій владѣлецъ не вѣритъ.

Касательно взноса податей, сардари (управляющіе отдѣленіями) заявили, что могутъ дать отвѣтъ, посоветовавшись съ своими однородцами, не раньше октября, а къ Маяеву просили диванъ-беги послать письмо,

*) Брошюра 1. Юр—ко: „Событія въ степи Уральской области въ 1869 г.“ (изд. Уральскихъ Войсковыхъ Ведомостей).

**) „Баранта“ въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ набѣгъ и угонъ скота или лошадей и вообще грабежъ.

***) Такъ опредѣляетъ Воен. Стат. Сборн., см. 86 стр.

что тотъ и исполнилъ. Письмо было коротенькое и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій диванъ-беги приглашалъ Маяева прѣхать и, «если будетъ угодно Аллаху, писалъ ханскій чиновникъ, то соотвѣтственно искренней преданности твоей получишь милость и награду». Управляющій дистанціей адаевскаго рода, заурядъ-хорунжій бій Бай-Мухаметъ Маяевъ, не замедлилъ представить это посланіе по начальству. Требованіе диванъ-беги, чтобы адаевцы вносили подать «по примѣру прежнихъ лѣтъ», можно объяснить только такимъ образомъ, что тѣ изъ адаевцевъ, вѣроятно, платили зякетъ въ ханскую казну, что находились ближе къ Хивѣ и поневолѣ вносили подать, боясь разграбленія; съ водвореніемъ смуть и неурядиць въ ханствѣ, они начали меньше посѣщать Хиву и воспользовались этимъ случаемъ, чтобы разъ и навсегда отдѣлаться отъ зякета. *Мауретин*
Хив. фан
пр. бій
Кокмур Мадрегимъ-ханъ, который зналъ уже о броженіи въ нашей степи, по поводу реформы, захотѣлъ воспользоваться въ свою очередь случаемъ, чтобы снова подчинить себѣ киргизъ. Онъ вспомнилъ про зякетъ съ ордынцевъ, и, видя, что они его не вносятъ, обложилъ высокою пошлиной адаевскій скотъ. Для переговоровъ онъ вызывалъ къ себѣ Маяева; выборъ, надо сказать, сдѣланъ очень вѣрно. Маяевъ и его родственникъ, другой адаевскій дистаночный, заурядъ-хорунжій бій Канауръ Колбинъ, пользуются огромнымъ вліяніемъ почти на весь свой родъ; можно предполагать, что тысячъ 12 или 14 приняли бы то рѣшеніе, которое состоялось бы подъ вліяніемъ этихъ биевъ. Но бии не поддались на льстивое зазываніе хана, они показали себя разсудительными людьми, хорошо понимающими истинныя выгоды своихъ однородцевъ и рѣшительно стали на сторону русскаго правительства» *).

За то заэмбенскіе киргизы, внявъ подстрекательствамъ Хивы, приняли дѣятельное участіе въ возстаніи 1869 г. Въ началѣ января этого года бій чумичли-табынскаго рода Джанбекъ Баракъ и Алдашъ Байганинъ, чиклинскаго рода Азбергень Мунаймасовъ, съ сыномъ Исета Кутебарова, Назаромъ, и нѣкоторые другіе явились къ хивинскому хану и объявили ему, что они новаго положенія принимать не хотятъ, и что всѣ остальные киргизы, не желая подчиняться вводимой реформѣ, возстали противъ русскаго правительства; эти же самозванные депутаты отъ киргизскаго народа увѣряли хана, что стоить только ему послать нѣсколько тысячъ войска, чтобы киргизы пристали къ хивинцамъ, взяли бы всѣ степныя укрѣпленія и соединенными усиліями овладѣли Оренбургомъ, и если Аллаху будетъ угодно, то и всею Россіей. Чтобы успѣшнѣе склонить на свою сторону хана, депутація преподнесла ему, надо сказать, не очень цѣнные подарки: 20 иноходцевъ и 20 бѣлыхъ кошмъ.

Молодой ханъ повѣрилъ словамъ депутатовъ и началъ питать блистательные и весьма смѣлые замыслы: ему казалось въ самомъ дѣлѣ легкимъ покореніе всѣхъ киргизъ при содѣйствіи ихъ многочисленныхъ единопле-

*) Юр—ко: „Событія въ степи Уральской области“.

менниковъ, недовольныхъ русскимъ правительствомъ и пришедшихъ искать у него покровительства и помощи; затѣмъ, думалъ ханъ, не трудно будетъ взять Оренбургъ; если Оренбургъ будетъ взятъ, все русскіе будутъ ему подчинены. Такъ разсуждалъ ханъ, если только вѣрить разсказамъ киргизъ, бывшихъ въ Хивѣ. Съ одной стороны, успѣхи въ дѣлахъ съ туркменами и, съ другой, откочеваніе къ Хивѣ въ концѣ 1867 и въ началѣ 1868 гг. киргизъ Сыръ - Дарьинской области, кичкине-чиглинскаго рода, Алтубай - Кулакова отдѣленія и другихъ родовъ, до 10 тысячъ кибитокъ, не желавшихъ принять новаго положенія, вводившагося тамъ въ это время, и принявшихъ хивинское подданство, вскружили голову молодого хана, имѣющаго, къ тому же, самыя превратныя понятія какъ о своей силѣ, такъ и о могуществѣ Русскаго государства.

Рѣшаясь дѣйствовать, ханъ сформировалъ въ началѣ марта 1869 года отрядъ изъ 6 тысячъ человекъ, при 4 орудіяхъ, который, въ половинѣ апрѣля, остановился близъ бугра Чаграй, не вдалекѣ отъ озера Чушка-Жуль и въ 170 или въ 180 верстахъ отъ Эмбенскаго поста. Отрядъ былъ снабженъ двухтысячнымъ запасомъ продовольствія и состоялъ изъ 2,000 туркменъ, 1,000 каракалпаковъ и 3,000 сартовъ и узбековъ. Пять саркердаповъ (начальниковъ частей) завѣдывали отрядомъ, главное начальство было поручено марему Кутеку (маремъ по-киргизски, или махремъ по-персидски—придворный чинъ и лицо, приближенное къ хану). По инструкціи хана, маремъ Кутекъ долженъ былъ дойти до Эмбы, двинуться для уничтоженія нашихъ степныхъ укрѣпленій и остановиться на вершинѣ Илека; ему поручалось принять киргизъ въ подданство, опредѣлить количество слѣдующаго съ нихъ зякета, время его взноса и тому подобныя подробности будущаго управленія. При немъ было нѣсколько верблюдовъ съ халатами и нѣсколько тысячъ тиллъ для раздачи почетнымъ и для привлеченія упорныхъ и вліятельныхъ киргизъ на свою сторону. Ханъ строго приказывалъ Кутеку, чтобы тотъ возвращался не иначе, какъ по успѣшномъ исполненіи даннаго ему порученія. Походомъ этимъ наиболѣе были довольны туркмены, которые, бывъ сами три года тому назадъ опичаны хивинскимъ правительствомъ, надѣялись теперь, при помощи заэбенскихъ киргизъ и при содѣйствіи чиглинцевъ изъ Тургайской области, пограбить ихъ единоплеменниковъ, не принимавшихъ еще въ то время участія въ возмущеніи, и такимъ образомъ поправить свое состояніе.

При отрядѣ находились депутаты, біографіи которыхъ сообщимъ, прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ событій. Первое мѣсто принадлежитъ—по своему значенію—Кутебаровымъ и Азбергеню. Исетъ Кутебаровъ, убивъ султана-правителя, поднялъ въ степи бунтъ, какъ замѣчено нами выше, въ началѣ 1850-хъ годовъ. Ежегодно ходили отряды въ степь для преслѣдованія бунтовщиковъ, но Кутебаровъ не попадался и возмущенія не прекращались. Оренбургскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Катенинъ, предпринялъ въ 1858 году поѣздку въ степь, а предварительно передъ тѣмъ разослалъ по степи объявленіе, въ которомъ было

объяснено всепрощение бунтовавшимъ, если только они явятся съ повинною. Весною этого же года двинулась въ Хиву черезъ степь дипломатическая миссія подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Н. П. Игнатъева (нынѣ русскаго посланника въ Турціи). На станціи Джаицды, Исеть, съ своимъ братомъ и двумя родственниками, явился къ начальнику миссіи и просилъ его ходатайства о прощеніи, въ чемъ и получилъ завѣреніе начальника миссіи. Флигель-адъютантъ Игнатъевъ угощалъ Исету чаемъ, пловомъ и другими азіатскими кушаньями. Послѣ угощенія, когда Исеть сталъ откланиваться, говоритъ г. Галкинъ *), начальникъ миссіи протянулъ ему руку и сказалъ, что, отвѣдавъ хлѣба-соли, Исеть сдѣлался его кунакомъ и тѣмъ однимъ уже, согласно азіатскому обычаю, обязался не только за себя, но за дѣтей и родственниковъ въ неизмѣнной покорности Россіи. Исеть не ожидалъ этихъ словъ и замѣтно сконфузился. Азбергень былъ главный совѣтникъ Кутебарова во время его бунта и приобрѣлъ славу батыря, предводительствуя шайками.

Провѣдавъ, что Исеть думаетъ покориться, Азбергень, не сочувствовавшій этому намѣренію, ушелъ въ Хиву съ своими единоплеменниками и приверженцами. Сеидъ-Мухаметъ ханъ приходу его былъ очень радъ: въ это время туркмены, убивъ кунградскаго бека Бутлумурада, задумали образовать изъ сѣверной части Хивы особое ханство, на которое намѣревались посадить туркмена фана (или пана) Мухамета. Ханъ далъ въ распоряженіе явившагося къ нему Азбергень всѣхъ киргизъ и каракалпаковъ. Киргизы много помогли хану, планъ туркменъ не состоялся, но сами киргизы вынесли тяжелыя подати и были недовольны обязанностью продовольствовать войска; поднялся ропотъ. Въ это время, т.-е. въ 1858 году, въ устьяхъ Аму появился русскій пароходъ, подъ командою начальника аральской флотиліи Бутакова, къ которому обратился Азбергень, заявляя о неудовольствіи противъ хана подвѣдомственныхъ ему киргизъ и прося принять ихъ въ русское подданство. Въ это же время подчинился русской власти Джанбекъ Бараковъ съ своими чумичли-табынцами и откочевалъ съ ними на Усть-Урть. Остается сказать объ Байганинѣ: онъ знаменитъ лишь тѣмъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ участвовалъ въ грабежѣ и убійствѣ русскіихъ купцовъ при караванѣ и съ тѣхъ поръ удачно скрывался отъ преслѣдованія суда.

Къ Исету Кутебарову, который, замѣтимъ здѣсь кстати, сильно колебался въ началѣ 1869 года, чью сторону принять, ханъ написалъ письмо, родъ ультиматума, въ которомъ объяснялъ причины, побудившія его начать войну противъ Россіи. Смыслъ письма такой: первоначально границею между Россіей и Хивою признавался Уралъ; потомъ, по договору, будто бы, съ російскимъ императоромъ границею назначена Эмба; занятіе же пространства на югъ отъ Эмбы ханъ считаетъ самовольнымъ и потому, желая восстановить свое владѣніе въ прежнихъ его предѣлахъ, онъ намѣренъ выслать войска по направленію къ Эмбѣ.

*) См. стр. 177 его сочиненій.

Маремъ Кутекъ, предводитель хивинцевъ, достигнувъ сѣвернаго Чанка, вскорѣ разочаровался въ возможности исполненія блистательныхъ ожиданій хана; въ помощь ему явился только Джамбекъ, съ своимъ племянникомъ Даутомъ Асаувовымъ и 200 чумичли-табынцами, остальные киргизы отнеслись холодно и равнодушно къ его воззрѣніямъ. На приглашеніе Кутека идти и брать Эмбенскій постъ киргизы отвѣчали ему, что пусть онъ самъ идетъ и беретъ его; изъ этого у нихъ возникъ споръ. Маремъ, рѣшивъ, что съ однимъ своимъ отрядомъ такую сильную крѣпость, какъ Эмбенскій постъ, онъ взять не можетъ, накинулся на Азбергена, угоряя его въ ложныхъ увѣреніяхъ хана. Изъ этого затруднительнаго положенія Азбергенъ придумалъ выпутаться довольно замысловатымъ образомъ: онъ сообщилъ марему, что у Исета Кутебарова и Ніяза Утаралина содержатся въ плѣну два русскихъ торговца, и что если бы Исетъ въ самомъ дѣлѣ былъ привержень хану, то не затруднился бы выдать этихъ плѣнниковъ. Кутекъ потребовалъ отъ Исета выдачи русскихъ, угрожая въ противномъ случаѣ грабежомъ подвѣдомственныхъ ему киргизъ и, въ то же время, удивлялся его бездѣйствію, такъ какъ сынъ его именемъ отца обѣщала дѣятельную помощь хивинскому хану.

Два достойные мужа, Кутекъ и Исетъ, вступили въ переговоры; Исетъ выдалъ своихъ плѣнныхъ, маремъ уплатилъ ему по 500 тиллъ за каждого и, сверхъ того, подарилъ многимъ вліятельнымъ киргизамъ халаты и деньги. Исетъ въ свою очередь также раздалъ многимъ халаты и тиллы, полученные имъ за двѣ проданныя души *).

Лошади отряда Кутека начали тощать; продовольствіе, взятое имъ съ собою, подходило къ концу: отрядъ хивинцевъ, долженствовавшій прійти къ нему на помощь и съ припасами, не приходилъ; киргизы брать Эмбенскій постъ формально отказались; туркмены отряда, видя, что предполагаемая добыча начинаетъ ускользать, хотѣли было уже на свой собственный рискъ и страхъ заняться грабежомъ того, что находилось у нихъ подъ рукою,—всѣ эти причины побудили Кутека предпринять обратное бѣгство въ Хиву. Дойдя до границы ханства, въ концѣ мая, Кутекъ встрѣтилъ здѣсь 8 тысячъ туркменъ, съ провіантомъ, которые предназначались ему на помощь, но почему-то были задержаны ханомъ. Боясь ханскаго гнѣва, маремъ засѣлъ въ Кунградѣ, въ ожиданіи, когда событія сами собой оправдаютъ его или когда ханъ смягчится и призоветъ его къ себѣ. Азбергенъ отпра-

*) Разсказъ о продажѣ русскихъ людей мы рѣшились привести потому только, что онъ извѣстенъ намъ отъ заслуживающаго довѣрія киргиза, близко и хорошо знакомаго съ послѣдними киргизскими дѣлами. Этотъ же фактъ подтверждали и другіе. Кстати разскажемъ анекдотъ, подтверждающій дѣйствительность этого факта. Когда дѣла въ Эмбенскомъ уѣздѣ стали приходить въ порядокъ и волненіе улеглось, пришелъ въ уѣздное управленіе одинъ киргизъ жаловаться на Исета. Раздавая подарки послѣ продажи русскихъ плѣнныхъ, Исетъ обдѣлил претендента, назначивъ ему весьма малую сумму. Когда же степь успокоилась, то киргизъ пожалѣлъ, что отказался отъ предложенной ему подачки и просилъ, —наивная душа,—уѣздное правленіе истребовать причитающуюся ему сумму отъ Исета Кутебарова. *Прим.* Юр—ко (Событ. въ степ. Уральск. обл.).

вился въ Хиву, объяснилъ хану, что неуспѣхъ предпріятія произошелъ единственно отъ того, что маремъ струсилъ, не умѣлъ обойтись съ народомъ и привлечь его на свою сторону, что исполнить было вовсе не трудно, такъ какъ народъ киргизскій и теперь еще воюетъ съ Россіей. «Съ мнѣніемъ Азбергента, — говоритъ г. Юр—ко, — что Кутекъ «струсилъ», мы совершенно согласны: такъ какъ во время пребыванія хивинцевъ на Юсть-Уртѣ и послѣ того, почти до конца іюля, возстаніе въ степи не только не уменьшилось, но, напротивъ, приобрѣтало новыя силы, а потому если была когда-нибудь наиболѣе удобная минута для успѣшныхъ дѣйствій хивинцевъ въ степи, такъ именно то время, когда они предпринимали свой первый походъ, но, къ счастью киргизъ, они моментомъ не воспользовались и, благодаря этому обстоятельству, число грабежей вышло въ суммѣ, все-таки, меньше, чѣмъ могло бы быть».

Послѣ похода военнаго губернатора въ степь въ началѣ іюля, возстаніе было подавлено. Всѣ роды: и желавшіе принять положеніе, но вынужденные къ возстанію дѣйствительными бунтовщиками, и тѣ, что совсѣмъ отказывались отъ новой реформы, всѣ начали заявлять покорность и раскаяніе. Только избранные въ ханы предводители шаекъ, ихъ приверженцы и родственники, а также часть чумичли-табынцевъ и часть другихъ эмбенскихъ родовъ, бѣжавшіе за Эмбу и далѣе на Усть-Уртѣ, потянулись теперь къ Акъ-Тюбинскому укрѣпленію, соглашаясь платить новыя подати и принять новую организацію. Да на Усть-Уртѣ ушли въ даль, недоступную для нашихъ отрядовъ, одно отдѣленіе чумичли-табынцевъ и одно отдѣленіе чиклинцевъ, которые продолжали упорствовать въ своемъ нежеланіи подчиниться новому порядку вещей.

«Между откочевавшими на Усть-Уртѣ киргизами въ августѣ появился отрядъ до 200 человекъ сартовъ и каракалпаковъ, во главѣ которыхъ находился Азбергента; начальникомъ же отъ хана былъ назначенъ Бала-Ирнараръ, каракалпакъ родомъ; при немъ находились ханскіе зякетчи. Ирнараръ разослалъ зякетчей по ауламъ для сбора подати, а для большаго успѣха ихъ препрятія распускалъ повсюду слухъ, что вслѣдъ за нимъ идетъ огромное ханское войско, не то 7, не то 22 тысячи при орудіяхъ. Прожилъ ханскій отрядъ около мѣсяца между киргизами, податей ни съ кого собрать не успѣлъ, и въ сентябрѣ Ирнараръ и Азбергента получили приказаніе хана вернуться послѣднѣе назадъ. Слышно было, что ханъ провѣдалъ, будто противъ него откуда-то идетъ значительное русское войско. Два названные киргизскія отдѣленія, увлеченныя за собою Ирнараромъ, дошли до Кунграда; здѣсь вмѣстѣ съ туркменами имъ вмѣнено было оберегать границу ханства отъ вторженія какихъ-то небывалыхъ русскихъ отрядовъ.

«Равнодушіе, оказанное большинствомъ адаевцевъ, не избавило ихъ отъ ханскихъ повелѣній: изъ Хивы были посланы къ нимъ двѣ прокламаціи, призывающія ихъ къ оружію противъ «злосчастныхъ и невѣрныхъ русскихъ» и къ добровольному принятію ими всѣхъ благъ хивинскаго подданства; одна изъ прокламацій, отъ 15 августа, не подлежитъ сомнѣнію, вы-

шла изъ ханской канцеляріи; другая, отъ 20 октября, никѣмъ не подписана и, по всей вѣроятности, состряпана фанатиками изъ числа хивинскихъ муллѣ. Приведемъ текстъ этихъ характеристичныхъ и интересныхъ въ своемъ родѣ обращиковъ хивинской политической литературы: «Біямъ Бай-Мухамеду и Гафуру (онъ же Канауръ), батырю Минбаю, Хуреку, муллѣ Тюлѣ, благочестивому Бердніазу, батырю Худжабеку и всѣмъ *главнаго* (?) адаевского рода старшинамъ, молодымъ и главамъ семействъ, вообще мужьямъ и великимъ батырямъ объявляется, что адаевскій народъ съ Хивою составляетъ шесть городовъ. Съ весны не получено отъ васъ ни письма, ни вѣстей достовѣрныхъ и никто изъ старшихъ въ семействахъ не являлся. Состоящіе подъ покровительствомъ русскихъ алилумцы и байулинцы *) идутъ сюда, но о чемъ думаетъ и на какихъ путяхъ находится вашъ народъ—не знаемъ; мы же надѣялись, что народъ нашъ прежде всѣхъ сыновъ киргизскихъ окажетъ намъ услугу и преданность. Если вы тверды на пути ислама, то, по полученіи этого письма, пусть пріѣдутъ сюда нѣсколько почетныхъ лицъ и старшихъ въ семействахъ, скажутъ о своихъ намѣреніяхъ и посоветуются и поговорятъ объ общей пользѣ и потеряхъ. Доставьте сюда, по прежнимъ примѣрамъ, закеты, и если нужна военная сила и помощь, то пусть берутъ и отправляются обратно. Не вредите располагающимся на Балханахъ іомутовцамъ, а если они вамъ станутъ вредить, то давайте знать намъ, и мы дадимъ удовлетвореніе. Пребывайте тверды на пути ислама и донесите обо всѣхъ тамошнихъ вашихъ обстоятельствахъ письменно. Писано въ Кунградѣ».

Другое посланіе отличается особеннымъ воодушевленіемъ и поэзіей. Вотъ его содержаніе:

«Рѣчь наша заключается въ томъ, что батырь Хотвакъ (Косвакъ) Аитовъ сообщилъ намъ о вашемъ добромъ здоровьи; услышавъ это отъ него, мы порадовались. Мы слышаны о войнѣ у васъ съ злосчастными и невѣрными русскими. Если воюете, то требуемъ увѣдомить насъ объ этомъ письменно. Если будете воевать, во-первыхъ, во славу Аллаха и, во-вторыхъ, за законъ пророка (да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха!), уповая лишь на самого Создателя всѣхъ міровъ, то это соединитъ всѣ три киргизскія орды и вооружитъ ихъ. Какъ только придетъ время взяться за оружіе, рассылайте объ этомъ письма знатымъ всѣхъ странъ Большой и Средней орды (т.-е. киргизъ сибирскаго и туркестанскаго вѣдомствъ). Если Аллаху такъ угодно, то событіе это будетъ счастіемъ въ ваше и въ наше время. Убьемъ—прослышемъ воинами, убьютъ насъ—будемъ мучениками. Мы такъ размышляемъ: для чего лишаться случая пріобрѣсти жизнь вѣчную? Вѣдь, жизнь въ мірѣ этомъ скоротечна, какъ 5 дней. Въ ожиданіи начала такихъ дѣйствій вашихъ мы пребываемъ въ восхищеніи, повседневно и всякій разъ, послѣ совершенія пяти намазовъ, молимся за васъ и

*) Всѣ киргизы оренбургскаго вѣдомства составляли одну малую орду, раздѣляющуюся на три главныхъ поколѣнія: алилумцевъ, байулинцевъ и семиродцевъ (джитктуру); первыя два многочисленнѣйшія и важнѣйшія.

семейства ваши всевышнему Аллаху и просимъ его предопредѣлить намъ свидѣться съ вами. Аминь. О Господи міровъ! Да будете вы вѣчно въ благоденствіи».

Вслѣдъ за прокламаціей ханъ разослалъ адаевцамъ коротенькую записочку, содержаніе которой таково: «Хотя мы и упоминали о взносѣ зякета, но сдѣлали это не изъ одного только желанія пріобрѣсти отъ васъ выгоды,—ни въ зякетѣ, ни въ выгодахъ мы не нуждаемся,—но желали только удостовѣриться въ прочности вашего мира и степени готовности вашей къ услугамъ». Передавая такія мягкія рѣчи на письмѣ, посланецъ обязанъ былъ передать изустно довольно грозныя обѣщанія хана: если адаевцы не исполнятъ въ скоромъ времени его приказаній, то онъ вышлетъ войско для грабежа адаевскихъ ауловъ. Угроза эта произвела впечатлѣніе на адаевцевъ и взволновала ихъ; въ особенности находились въ страхѣ ближайшіе къ Хивѣ. Несмотря, однако, на ханскія угрозы и заискиванья, адаевцы довольно исправно вносили кибиточную подать.

Если подстрекательства Хивы не встрѣтили сочувствія и удачи у адаевцевъ, за то многіе изъ заэмбенскихъ и Гурьевскаго уѣзда киргизъ, кочующихъ у побережья Каспійскаго моря, числомъ около 7 тысячъ кибитокъ, охотно повѣрили ханскимъ обѣщаніямъ и откочевали осенью 1869 года къ Хивѣ, въ ожиданіи отъ хана великихъ и богатыхъ милостей. Депутация изъ 20 киргизъ, въ которой находился, между прочими, и есаулъ русской службы султанъ Араслановъ, являлась къ хану просить его о принятіи сказанныхъ киргизъ въ свое подданство и объ отводѣ имъ земель, съ избавленіемъ отъ платежа зякета на три года.

Депутация преподнесла хану подарки: кошмы, верблюдовъ и лошадей; ханъ отдалъ каждому халатомъ, кинжаломъ и аргамакомъ. Наибольшую милостью пользовался Азбергенъ, которому ханъ далъ въ собственность нѣсколько тысячъ танановъ земли; большинство же киргизъ, полагаемъ, въ непродолжительномъ времени войдутъ въ немилость и будутъ презрѣнно ощипаны хивинскимъ правительствомъ. Преданность Азбергента новому правительству велика; онъ совѣтуетъ хану выступить въ походъ при первой возможности противъ киргизъ, принявшихъ положеніе, собираясь принять дѣятельное участіе въ походѣ; онъ, говорятъ, выкармливаетъ и prepares аргамаковъ. Впрочемъ, неудачи хивинскихъ отрядовъ поколебали довѣріе хана къ Азбергеню; вплиніе на хана началъ пріобрѣтать извѣстный киргизскій партизанъ Садыкъ Кенисаринъ; кто изъ нихъ возьметъ верхъ, того обыкновенно назначаю ханомъ надъ хивинскими киргизами, подобно тому, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ назначенъ, теперь уже умершій, Изтлеу-Туре, сынъ Каипъ-Галия Нуралиханова, который въ 1830-хъ годахъ бѣжалъ въ Хиву послѣ поднятаго имъ возстанія противъ русскаго правительства.

Военный губернаторъ приказалъ увѣдомить киргизъ, откочевавшихъ въ Хиву, чтобы тѣ возвращались въ мѣста прежнихъ своихъ кочевокъ, угрожая въ противномъ случаѣ земли ихъ отвести другимъ киргизскимъ ро-

дамъ, наиболѣе въ томъ нуждающимся. Распоряженіе это сильно заставило киргизъ призадуматься: терять вѣрное и обеспеченное въ надеждѣ на однѣ только обѣщанія, которыя очень легко могутъ и не исполниться, конечно, неравсчитливо. Разсуждая такимъ образомъ, двѣ тысячи кибитокъ чумичли-табынцевъ прислали депутата къ военному губернатору съ просьбой: земель, занимаемыхъ ими прежде, не раздавать другимъ, такъ какъ они, перезимовавъ въ хивинскихъ предѣлахъ, намѣрены весною вернуться на свои старыя мѣста и принять новую организацію; просьба чумичли-табынцевъ уважена и депутатъ ихъ, бій Кайспуль Айчуваковъ, уѣхалъ въ своимъ однородцамъ, кочевавшимъ подъ Буиградомъ, съ этимъ пріятнымъ для нихъ извѣстіемъ.

Выше мы сказали, что происки хивинцевъ имѣли наибольшій успѣхъ у заэмбенскихъ киргизъ, и теперь находимъ нужнымъ указать тѣ обстоятельства, которыми обусловливался этотъ успѣхъ. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ, почему заэмбенскіе киргизы поддались подстрекательствамъ Хивы, слѣдуетъ указать на взаимность экономическихъ выгодъ этихъ народовъ. По недостатку луговыхъ и пастбищныхъ мѣстъ, — говоритъ *Военно-статистич. сборникъ*, — хивинцы лишены возможности имѣть большое скотоводство, но за то плодородная почва Хивы производитъ въ изобиліи хлѣбъ, плоды и разныя полезныя растенія; осѣдлые жители городовъ занимаются приготовленіемъ предметовъ одежды и обуви какъ для себя, такъ и для киргизскаго употребленія. Южныя киргизы, занимаясь исключительно скотоводствомъ и нуждаясь въ хлѣбѣ и хивинскихъ издѣліяхъ, находятъ для себя выгодные рынки въ городахъ ханства. И вотъ въ чемъ заключаются выгоды взаимно-дружескихъ отношеній названныхъ народностей и тѣ причины, почему заэмбенскіе ордынцы скорѣе другихъ родовъ поддаются хивинскимъ проискамъ.

УІІІ.

Умиротвореніе степи и удовлетвореніе пострадавшихъ. — Учрежденіе съѣздовъ бѣвъ и результаты ихъ дѣятельности. — Слѣдственныя коммиссіи и особый комитетъ о пресѣченіи возможности повторенія безпорядковъ въ 1870 году. — Высочайшее прощеніе.

Въ августѣ 1869 года волненіе было подавлено, мятежническая организація уничтожена, нѣкоторые изъ главныхъ виновниковъ и предводителей мятежа арестованы и надъ ними наряжено слѣдствіе.

Такимъ образомъ, умиротвореніе киргизской степи къ этому времени было достигнуто въ обѣихъ областяхъ и даже Эмбенскій уѣздъ былъ организованъ, при дѣятельномъ участіи въ открытіи этого уѣзда отряднаго начальника флигель-адъютанта графа Борха. Послѣдній своею гуманностью, челоуѣколюбіемъ и щедростью сѣумѣлъ (и едва ли не одинъ изъ всѣхъ отрядныхъ начальниковъ, дѣйствовавшихъ въ степи) снискать къ себѣ расположеніе и довѣріе киргизъ, и тѣмъ въ значительной степени облегчилъ администраціи устройство Эмбенскаго уѣзда. Вообще говоря, графъ

Ю. Я. Борхъ своею дѣятельностью снискалъ завидную популярность между ордынцами оренбургскаго вѣдомства. Степь успокоилась, но въ продолженіе мятежа произведены были киргизами различнаго рода нападенія, съ цѣлью грабежа, на козаковъ, жившихъ погранично со степью, на отряды, дѣйствовавшіе въ степи, русскихъ купцовъ, ведущихъ торгъ со степью и съ Среднею Азіей, и киргизъ, принявшихъ новое положеніе. Большинство этихъ преступленій слѣдуетъ прямо отнести къ простому грабительству, но часть изъ нихъ сопровождалась убійствами и носила характеръ чисто-политическій.

Въ виду большаго числа лицъ, пострадавшихъ отъ совершавшихся, во время мятежа, грабежей, и для удовлетворенія матеріальныхъ убытковъ, нанесенныхъ киргизами торговымъ и не торговымъ частнымъ лицамъ и прилинейнымъ жителямъ, по распоряженію главнаго начальника края учреждены въ городахъ: Илекѣ, Уральскѣ, Калмыковѣ и Гурьевѣ, Уральской области, и для Эмбенскаго уѣзда въ Акъ-Тюбинскомъ укрѣпленіи области Тургайской—чрезвычайные сѣзды бievъ, изъ лицъ, пользующихся у киргизъ особеннымъ довѣріемъ. А такъ какъ удовлетвореніе матеріальныхъ убытковъ, по народнымъ обычаямъ, носило характеръ мирового разбирательства, то для наблюденія за дѣйствіями сѣздовъ и посредничества между сторонами назначены въ Калмыковѣ и Гурьевѣ тамошніе уѣздные судьи, а въ Уральскѣ и Илекѣ особые чиновники, по усмотрѣнію военнаго губернатора.

Но такъ какъ бывали случаи грабежей и угона скота киргизами Уральской области у киргизовъ тургайскаго вѣдомства, и наоборотъ, то для разсмотрѣнія подобныхъ преступленій, по мѣсту ихъ происшествія, составлены были особые, смѣшанные, пограничные сѣзды изъ бievъ или уполномоченныхъ обѣихъ областей. Сѣзды эти окончили свои занятія и изъ донесеній ихъ извлечены слѣдующіе результаты:

- 1) На илецкомъ сѣздѣ всѣхъ исковъ заявлено было на 28,326 руб. 64 коп., къ удовлетворенію приговорено сѣздомъ на 22,876 руб. 56 коп.
- 2) На уральскомъ сѣздѣ исковъ предъявлено было 11,774 руб. 84 коп., подлежало удовлетворенію 4,003 руб.
- 3) На калмыковскомъ заявлено исковъ 85,642 руб. 60 коп., приговорено—67,395 руб. 24 коп.
- 4) Гурьевскому сѣзду заявлено на 90,751 руб. 70 коп., приговорено—39,031 руб. 62 коп.

О дѣйствіяхъ эмбенскаго сѣзда въ тѣхъ матеріалахъ, которыми мы располагали, свѣдѣній нѣтъ. Но вообще слѣдуетъ замѣтить, что удовлетвореніе пострадавшихъ отъ грабежей не соответствовало своей цѣли, ибо кромѣ разницы на десятки тысячъ въ суммѣ заявленнаго иска съ суммою, приговоренной къ удовлетворенію сѣздами бievъ (какъ, напр., по Гурьевскому уѣзду заявлено 90 т., приговорено 39 т., менѣе на 51 т.), кому не извѣстно, что приговорить къ вознагражденію не значитъ еще удовлетворить претендателя. Особенно если принять во вниманіе погромъ киргизъ

при усмирении бунта. Выше мы видѣли, что киргизы, спасаясь отъ нашихъ отрядовъ и бросая свой скотъ—главное ихъ богатство, на-легкѣ спѣшили укрыться въ недосыгаемыя для русскихъ мѣста степи, гдѣ и послѣдній ихъ скотъ—верблюды, лошади и бараны—погибалъ отъ безкормія и безводія голодною смертію. Это послѣднее обстоятельство въ тысячный разъ доказываетъ старую истину: что на бумагѣ всегда легко приказать и приговорить къ чему угодно, но не такъ-то легко осуществить эти приговоры въ дѣйствительности. Въ заключительной главѣ настоящаго изслѣдованія мы указываемъ на безчисленные, неблагоприятныя въ экономическомъ отношеніи послѣдствія минувшаго мятежа не только для Киргизской степи и для Оренбургскаго края, но и вообще для русской торговли, и приводимые нами факты, смѣемъ думать, убѣдятъ всякаго въ справедливости сдѣланнаго нами замѣчанія о невозможности вознагражденія на счетъ ордынцевъ тѣхъ лицъ, что пострадали отъ руки киргизъ во время бывшихъ беспорядковъ. Теперь, когда, по мнѣнію администраціи, дѣло удовлетворенія пострадавшихъ было закончено (?), надо было наказать виновныхъ. Съ этою цѣлью, по распоряженію генералъ-губернатора, были учреждены слѣдственные комиссіи по одной для каждой области. На обязанности этихъ комиссій лежало производство слѣдствій только надъ главными зачинщиками, подстрекателями и надъ должностными лицами, состоявшими—при введеніи положенія—на службѣ по киргизскому управленію, которыя явно уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей по собственной волѣ, и, наконецъ, надъ взятыми съ оружіемъ въ рукахъ при грабежахъ и нападеніяхъ на отряды, караваны, почты и линейныя селенія. Что же касается бывшихъ въ степи случаевъ одиночнаго разбоя и буйствъ, то слѣдствія по означеннымъ преступленіямъ производились обыкновеннымъ порядкомъ, чрезъ посредство судебныхъ слѣдователей.

Всѣ же остальные, затѣмъ, киргизы, виновные въ причиненіи убытковъ какъ своимъ однородцамъ, такъ и частнымъ лицамъ, во время вспыхнувшаго мятежа, отъ судебного преслѣдованія избавлены.

Мѣстопробываніемъ вышеозначенныхъ комиссій избраны были: для Уральской области—г. Уральскъ и для Тургайской—г. Илецкъ (бывшая Илецкая-Защита).

Поручивъ упомянутымъ комиссіямъ открытіе и наказаніе виновныхъ въ бывшемъ мятежѣ, главный начальникъ края, по успокоеніи степи и по возвращеніи нашихъ отрядовъ на линію, призналъ раціональнымъ обратитъ серьезное вниманіе на принятіе безотлагательныхъ мѣръ къ пресѣченію возможности повторенія подобныхъ смуть въ степи на будущее время и для огражденія киргизъ, принявшихъ положеніе, отъ нападеній злонамѣренныхъ ихъ однородцевъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Хивы, и киргизовъ Адаевского рода, у которыхъ положеніе въ 1869 году еще не вводилось. Съ этою цѣлью тогда же учрежденъ былъ особый комитетъ, подъ личнымъ предѣдательствомъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго, составленный изъ уѣздныхъ начальниковъ и начальниковъ отрядовъ, возвратив-

шихся изъ степи; комитетъ этотъ призналъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1) Возложить на личную отвѣтственность уѣздныхъ начальниковъ, каждаго по своему уѣзду, собраніе самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній о всякихъ покушеніяхъ со стороны хищниковъ къ нарушенію возстановленнаго въ степи порядка и спокойствія и для того, чтобы начальники уѣздовъ, всегда, сообразно полученнымъ свѣдѣніямъ, имѣли возможность принимать энергическія мѣры къ уничтоженію шаекъ.

2) Обязать уѣздныхъ начальниковъ находящіяся подъ командою ихъ войска держать въ такомъ положеніи, чтобы они были готовы, при первомъ угрожающемъ извѣстіи, немедленно двинуться туда, гдѣ присутствіе ихъ признается необходимымъ, предоставляя этимъ начальникамъ полную свободу дѣйствій подъ личною ихъ отвѣтственностью.

3) А такъ какъ при незначительности отрядовъ, находящихся въ распоряженіи каждаго изъ уѣздныхъ начальниковъ, могло легко встрѣтиться крайнее затрудненіе дѣйствовать исключительно военною силою на громадномъ пространствѣ всего уѣзда, то для повсемѣстнаго, по возможности, огражденія покорныхъ киргизъ отъ хищниковъ предоставить непосредственному усмотрѣнію уѣздныхъ начальниковъ учреждать караулъ изъ самихъ киргизовъ и содержать посты въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это окажется необходимымъ.

4) Если бы, сверхъ всякаго ожиданія, хищническія шайки появились въ столь значительныхъ размѣрахъ, что всѣ способы, изложенные выше, оказались бы недостаточными, то комитетъ полагалъ: «предоставить уѣзднымъ начальникамъ разрѣшать киргизскимъ волостямъ, которымъ будетъ угрожать опасность, защищать свою личность и имущество всѣми возможными способами до оказанія имъ помощи военною силою».

Затѣмъ, генераль-адъютантъ Крыжановскій ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ объ облегченіи участи киргизовъ, увлеченныхъ въ мятежъ подстрекательствомъ злонамѣренныхъ людей, и въ декабрѣ 1869 г. удостоился получить высочайшее повелѣніе, уполномочившее его объявлять именемъ Государя Императора всемілостивѣйшее прощеніе виновнымъ въ беспорядкахъ киргизамъ, при возвращеніи ихъ въ Оренбургскую степь, но съ тѣмъ, чтобы эта монаршая милость была оказываема только тѣмъ изъ нихъ, которые по ближайшему генераль-губернатора усмотрѣнію будутъ признаны ея достойными.

Такъ кончилось возстаніе 1869 года, но степь не могла такъ скоро успокоиться, страсти слишкомъ разыгрались, и потому мы переходимъ къ описанію событій въ степи въ 1870 году.

Н. Серeda.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

05
7-88,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

1915

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА X.

Изд. 740H
699/
ПРОВЕРЕНО 1938 г.

ПРОВЕРЕНО
1896

99

ОРЕНБУРГСКАЯ
УВЕРДИТЕЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА.

1891.